

14 АВГ 1948

А. Н. Островский на сцене Заполярного города

Воркутский музыкально-драматический театр неоднократно обращался к живительному источнику драматической поэзии А. Н. Островского. На сцене театра были показаны «Гроза», «Без вины виноватые», «Не все коту масленица» и др. пьесы великого русского драматурга. В 125-летию со дня рождения А. Н. Островского театр поставил «Последнюю жертву».

С формальной стороны все обстоит благополучно. В репертуаре молодого театра Островский представлен достаточно полно. И все же зритель от спектаклей остался недовольным.

В чем же дело?

Дело в режиссерской трактовке наследства А. Н. Островского. Попытаемся рассмотреть два спектакля—«Грозу» и «Последнюю жертву». «Гроза» является одним из наиболее значительных произведений драматурга.

В самом названии пьесы заключен глубокий символ. Своей «Грозой» А. Н. Островский предвещал близкий конец той нестерпимой духоте, которая ушлетала и губила все живое в страшном «темном царстве», каковым являлась тогдашняя Россия. Этим ощущением очистительной грозы наполнено все существо центрального образа пьесы. Революционный критик Н. А. Добролюбов метко уловил это освещающее и бодрящее начало драмы.

К сожалению, в постановке Воркутского театра свежесть и бодрость оказались утраченными. Они угасли в мрачном оформлении спектакля. Страсть и волю проявляет одна только Кабаниха (арт. Е. М. Михайлова), хотя ей скорее следовало быть воплощением скрипящей, нудной бесцветности, которая, как ржавчина, съедает все живое и яркое. Катерина же (арт. Е. Н. Рутковская) предстает перед зрителем как существо обреченное, безнадежно зараженное мистическими настроениями. В результате ее протест против духовного порабощения ступенчатается и зрителю начинает казаться, что вся эта драма—нечто иное, как следствие неудачной жизни одного человека. Даже в кульминационной сцене—прощание Катерины с жизнью прозвучало безумием, а не как высший разум гордого, честного сердца.

Между тем талантливая и своеобразная

артистка Рутковская располагает всеми данными, чтобы создать яркий и доходчивый до зрителя образ Катерины. Но ей помешала режиссерская трактовка. Это тем более досадно, что в спектакле наличествуют многие бесспорные достоинства: ансамблевая стройность, отлично продуманная мизансценировка, сочность и законичность массовых сцен, ряд отдельных актерских удач. Режиссер не сумел уловить основного—романтику пьесы, которая была растворена в мелочах быта.

В спектакле «Последняя жертва» поставившие «стал жертвой мертвой традиции, враждебной духу А. Н. Островского, духу современного театра».

Режиссер допустил грубую ошибку, идеализируя образ Прибыткова. Все «благородство» этого человека заключается в том, что он не может собою торговать и настолько богат, что может только покупать неправившихся ему женщин, покупать против их воли, как паузе обмывает паутиной намеченную жертву.

Ошибка режиссера видна и в соединке между дворянином Дульциным и богатым развратником Прибытковым за Юлию Тугину. Режиссер неправильной трактовкой пьесы хочет оставить зрителя в союзе с Прибытковым. Чудовищное намерение! Может быть полсотни лет тому назад и, возможно, было такое толкование пьесы, когда партер театров заполняли «прибытковы» всех рангов. Но как можно сейчас решиться поднимать дореволюционного рышара рубля на высоту?

В те далекие от нас времена может быть часть зрителей могла задумываться над вопросом: кто же хуже—Дульцин или Прибытков. Для нас же вопросы оба отвратительны. По режиссер, оказывается, с этим не согласен. И финале зритель видит Тугину (арт. Рутковская), которую как вещь купил Прибытков. В эти минуты перед зрителем астают Тугина, умершая только для Дульцина, живущая для Прибыткова.

Надо признать, что Островскому не повезло на сцене Воркутского театра. А жаль! Культурно-зрелый театр имеет все возможности создать яркие спектакли, пропагандирующие неумирающее творчество А. Н. Островского.

Т. ЛИТИНСКИЙ.